

Анастасия Шоропова

*Город
нерождённых
детей*

Издательские решения

Анастасия Торопова

Город нерождённых детей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8233047

ISBN 9785447401382

Аннотация

Куда попадает душа, не видевшая жизни? Её ждёт покой или страдания неведения? Как долго она может скитаться, пока вечность не сотрёт её существование? Какими бы ни были ответы на эти вопросы, даже отвергнутая всеми душа имеет право на одно желание.

Город нерождённых детей

Анастасия Торопова

© Анастасия Торопова, 2018

ISBN 978-5-4474-0138-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мечта... сын... солнце... Эти слова аукаются мне постоянно. Даже не зная, что я, где я, существует ли что-то вокруг меня, я слышал их всегда. Эти слова и необыкновенное мягкое тепло – то, что я помню, то, что ощущаю. Это так приятно, что хочется всегда это чувствовать.

Но вдруг тепло начало гаснуть. Мне становилось всё холоднее. Как неприятно! И слова звучат всё тише и вдруг прекратили своё существование, как если бы существовать прекратил я. Если бы я мог желать, чего-то захотеть, я бы предпочёл снова услышать: сын... солнце... а дальше? А что было до этого? Не помню. Я... больше не существую? Но почему?! Ведь я могу желать! Это не может быть пустотой! Я не могу стать ничем! Это нечестно! Я не ничто! Я...! Пожалуйста... это не честно...

Что я? Мысль? В пустоте она ничто, ведь ничто не отзовется. Я не чувствую больше ничего. Не вижу. Не слышу.

Что я? Я одиночество. Не понимаю больше ничего. Одиночество. Как что-то естественное и неизменное. Я уже ничего не помню. Я забыл, что я существовал... Если бы я мог желать... я не хочу быть таким! Несуществующий. Один. Я хочу быть с кем-то, частью чего-то...

Что-то есть... там. Не знаю, где это, что это, но это определено то, что нельзя назвать ничем. Оно выглядит другим, не таким как пустота. Что-то непохожее на ничего. Туда. Точно – туда! Оказаться там... и я больше не одиночество. Я стремлюсь туда! Может быть, я ещё существую! Что это? Я хочу туда!

– Это Кэлестис портум. Ты в нём.

Я услышал это, но слова мне не знакомы.

– Это Кэлестис портум, – повторились слова. – Ты больше не одиночество.

Я вдруг понял, что снова могу осязать. Я могу! И я осязаю: поверхность, я могу сделать шаг и переместиться на другую точку. Я слышу... звуки... разные. Это шум, это слова. Не такие, какие, я, наверное, слышал когда-то. Я вижу: здесь есть кто-то ещё. Я и кто-то, кроме меня...

– Ты уверенно стоишь. Ты не одиночество, – снова сказали.

Тот, кто это говорит, должно быть, где-то рядом. Я протягиваю вперёд... я теперь точно знаю, что это «вперёд»! Руки... у меня есть руки! Я это так назову.

– Молодец, – снова новое слово. – Теперь просто открой

глаза.

– Глаза? – я вдруг повторил незнакомое слово и словно понял, что назову глазами.

Открыть глаза значило появиться впереди чему-то.

– Кэлестис портум! – воскликнул я.

– Верно.

На этот раз я отчетливо слышал направление слова и мог открыть глаза на того, кто его сказал. Сначала я подумал, что вижу себя. Ведь у него тоже то, что я назвал руками, ногами, глазами. Но его действия не совпадали с моими мыслями.

– Кто ты? – спросил я и уже приготовился к новому слову.

– Душа.

– А я?

– И ты.

– Мы одно и то же?

– Нет, – сказал голос. – Мы две *разные* души.

– Что это значит?

– Открой глаза, – повторил он. – И ты увидишь место.

Я попытался снова повторить это с глазами. Получилось. Теперь я видел не только своего собеседника, но и то, что вокруг него.

– То, где мы стоим – это дорога, – начал объяснять он. – Все, что сотворено вне обитателей, создано общими желаниями душ.

– Что это на дороге? – я указал на длинный шест с коробкой на верхушке, а внутри было что-то необыкновенно бе-

лое. Ещё белее, чем всё вокруг.

– Фонарь. А в нём – свет, – пояснил он.

– Ты назвал это так? Почему?

– А почему бы нам не назвать это так?

– Нам?

– Оглянись.

Я впервые осмотрелся. На этой дороге ходило много других с руками, ногами, глазами.

– Это тоже души? *Разные души?*

– Молодец. Ты сам всё понял.

– «Молодец» означает, что что-то стало понятно?

– Хм... вроде того.

Я впервые смотрел так ясно. И чем больше я вглядывался, тем больше вещей видел. Но больше всего меня интересовали души. Они правда были совсем не похожи друг на друга. Значит, и я также не похож на них, но при этом мы все души. А если есть «мы», то я вовсе не одиночество!

– Я существую!

– Существуетеешь? – мой собеседник немного помолчал. – Смотря, что ты называешь существованием.

– А ты? Ты знаешь это слово?

– Я знаю много слов.

– Ты скажешь мне их? – мой голос теперь стал другим, словно мог сказать о воодушевлении, переполнявшем меня.

Воодушевление? Я сам придумал это слово, потому что не слышал ничего подобного из уст собеседника. Это так...

Новое слово – это так...!

– Ты научишь меня другим словам? – снова говорю я, не замечая, что повторяю это.

– Конечно. Я всем их говорю. Начну с себя.

– А? Как это?

– Приманимус.

– Что?

– Можешь называть меня так.

– Приман... имус

– Приманимус, – повторил он. – Тебе, пожалуй, сейчас сложно.

– Очень много новых слов, но я хочу запомнить их все! Это, – я указал под ноги, – дорога, а это, – показал рукой на длинный шест, – свет с фонарём. Нет, стой... фонарь со светом.

– Молодец, – похвалил меня собеседник.

– Да. Молодец! Определенно молодец. Я понимаю. А ты...

При... Приман!

Он вздохнул, и при этом у него чуть опустились плечи, и, кажется, приподнялись уголки губ....

– Ладно. Если хочешь, можешь называть меня «Приман».

Ты, как и все, вправе давать вещам свои имена.

– Как хорошо, – я тоже попробовал приподнять уголки, но у меня ничего получилось.

Уверен – я научусь!

– А как насчёт тебя? – вдруг спросил Приман.

– Меня? – воодушевление сменилось непониманием.

– Как ты хочешь, чтобы называли тебя? У тебя есть имя?

– Что такое «имя»?

– Это слово, которым называют тебя, которым ты себя называешь. Ты же не хочешь быть безымянной душой?

– У всех есть это... имя?

– Конечно. Этим в первую очередь мы отличаемся друг от друга.

– А почему не зваться всем одинаково? Душами? Так мы будем вместе, и нам не будет одиноко.

– Быть одним со всеми, не иметь вокруг себя ничего, что отличалось бы от тебя – всё равно, что быть одному.

– Я не знал, – звук моего голоса превратился в тихий шёпот.

– И я не сразу это осознал.

Я задумался. Если он это знает, значит, он уже пытался быть одним со всеми.

– А что ещё ты знаешь?

– Не всё сразу. У тебя вечность, чтобы познавать, если захочешь.

– Что такое «вечность»?

– Вечность означает «всегда».

– Всегда? То есть не изменяется?

– Я бы сказал «не кончается».

– Фух. А я уж подумал, что вечность – это одиночество.

– Чтобы это узнать, вечность должна кончиться.

– Но она не кончится, – уточнил я. – А это ты откуда знаешь?

– Она же до сих пор не кончилась.

– Ну и что?

– Зачем тебе об этом думать?

– А я хочу знать.

– А тебя сильно тянет познавать, – Приман склонил голову и оглядел меня. – Но знания иногда причиняют боль.

Опять новое слово?

– Боль, – начал пояснять он, – это ощущение, которое ты хочешь прекратить. Как одиночество. Иногда мне думается, что это одинаковые вещи.

– Ну, если бы они были одинаковыми вещами, то не носили бы два разных имени... Или такое бывает? Знания... боль... одиночество... Не совсем понимаю. Не молодец.

– Ты столько рассуждаешь, а ведь даже имени себе не придумал.

– А как придумывают себе имена? Они что-то значат?

– Обычно это слово, которое приходит тебе на ум, когда ты думаешь о себе как о ком-то существующем и уникальном. Понимаешь меня?

– Не совсем. Опять не молодец.

Я уже подумал о себе существующем в этом месте с этими душами, но тут оказалось так много слов, что я не услышал своего собственного. У Примана тоже так было?

– Кто-то приходит сюда не пустым, а храня какое-то сло-

во. Его берут как имя.

– «Храня»... Как ты?

– Нет. Я был пустым. Я сам заполнил эту пустоту и стал Приманимус. А хранишь ли что-нибудь ты?

– Сол... – начал я, вороша какие-то мысли, напрягся, стараясь вспомнить что-то, кроме пустоты. – Солфилиус.

– Солфилиус? – переспросил Приман, заглядывая в глаза юной душе. – Солфил, храни свое имя, и оно вечность будет с тобой.

– Но что значит «хранить»?

– Называй свою душу «Солфилиус». И твое имя отзовется во множестве душ.

– Добро пожаловать, Солфил, – отозвались многие голоса. – Это Кэлестис портум.

С каждым шагом по дороге появлялись новые слова: город, квартал, тропа, лестница, окно, арка, стены, разные вещи. Так много слов, и к каждому можно прикоснуться. И все они для того, чтобы вокруг не было места одиночеству. Ведь каждая душа приносила с собой новое слово, и оно становилось частью живописной мозаики под названием Кэлестис портум. Так говорил Приман.

– Каждое слово – ключ к этому городу, потому что все эти слова заполняют одиночество. А слова появляются из ваших желаний. Так одиночеству не будет тут места.

Приман всегда беседует с кем-то. Часто со многими сразу. Они собираются вокруг него, чтобы услышать то, чего

не знают, и наполнить новыми словами свою обитель. Каждая душа имеет обитель – место, где собраны все слова, которые ей известны. Так рождались неповторимые кварталы города с множеством слов и вещей.

Больше всех за словами гонялся Солфил. Он начал строить свою обитель с «дороги», «фонаря», «света» и добавлял туда всё, что узнал. Так там появились скамейка, беседка с колоннами, высокие бордюры, стены с парапетом, даже крошечный воздушный замок. Солфил всегда ходил в другие кварталы и узнавал от его обитателей новые слова, которые потом пристраивал у себя, плетя свой неповторимый узор вроде бы из тех же понятий.

Единственное слово, которого не было ни у кого, и которое все, тем не менее, знали, это «одиночество». Никто его не произносил. На это решался только Приман в разговоре с новоприбывшими, но тут же вытеснял его другими словами.

– Каждое слово – ключ к этому городу, – всегда повторял он. – Так одиночеству не будет тут места.

– А разве одиночество не слово? – вдруг спросил Солфил, и вокруг поднялся глухой шум.

– Он произнёс его!

– Солфил, – мягко обратился Приман, перекрывая тихий шум. – Не думай о нём. Все слова существуют, чтобы отличаться от него. Они существуют для этого. В одиночестве же пусто.

– Пустота?

– Конечно.

– Но разве и это не слово? – упорствовал Солфил, стараясь понять, открыть глаза перед знаниями.

– Солфил, – повторил Приман с прежней мягкостью, – Пустота, замкнутость, холод, темнота, страх, боль – слова. Но это ключи к одиночеству, а не к городу.

Ах! Я помню! Я чувствовал. Мне тогда вдруг стало холодно, больно, темно и страшно. И я не мог выбраться, словно вокруг больше не было ничего. Через эти ключи я оказался в одиночестве. Но новый ключ привел меня к городу! Вот только... что это был за ключ? Что я принёс с собой? Своё имя? Кажется, я придумал его на месте, сложил из осколков чего-то почти забытого, что слабо отзывалось эхом в темноте.

Приман посмотрел на притихшего Солфила, а затем произнёс серьёзно:

– Никогда не сомневайтесь ни в чём. Особенно не сомневайтесь в этом месте. Кэлестис портум соткан из ваших желаний в форме слов. Усомнитесь в своих желаниях – слова рухнут. И останется только одно бесполезное слово: «сожаление».

– Да... из одного слова квартал не построишь, – отозвался Инвентор, хотя он всегда не спешил к новым словам, а предпочитал комбинировать старые.

В его обители бесконечный лес колонн вместо узорных

капителей венчали плотно прилегающие друг к другу вращающиеся крупные шестерни. Фонарь остался без шеста – коробки со светлым огоньком висели в воздухе. Шесты же, расставленные повсюду, служили длинными осями, вокруг которых крутились небольшие колёса – они плавно то опускались вниз, то взлетали к облакам. Сам Инвентор часто садился на них, поднимался на самую высокую точку обители, где смотрел сверху вниз на созданный им большой движущийся механизм из множества предметов. Вокруг разных осей они вращались в бесконечном цикле. Все предметы очень точно подходили друг другу по форме. Если форма слова выглядела иначе, чем было нужно, Инвентор менял её под стать своей обители. Подобный крутящийся механизм можно увидеть, если заглянуть внутрь крупных часов, но то, что создала душа, было несравненно богаче. Солфил заметил, что Инвентор может любоваться своим творением значительные периоды вечности, не двигаясь с места и не отрывая взгляда, пока кто-нибудь к нему не зайдёт.

Солфил с не меньшим старанием строил свою обитель, тщательно выбирая и взвешивая каждое слово. Он хотел, как и все, наконец, закончить её и обрести покой. Но одно слово он так и не сумел встроить в общую картину обители. Это его собственное слово «воодушевление», которое он придумал в первом разговоре с Приманом. Так как Солфил придумал его сам, то не знал точно, как оно должно выглядеть. Словно не имело формы, как и те слова, что были запретны.

А вдруг это слово ещё один ключ к одиночеству, про который никто не знал? Не может быть! Оно отличается от него! В пустоте не было ничего подобного! Пусть я его не вижу, но я ощущаю, как оно переполняет меня! Это слово...

«Живое» – сказал бы Солфил, если бы понимал, что это значит.

Он решил спросить об этом у Примана. Ведь он знает много слов и стал первым, кто придал облик Кэлестис портуму. Возможно, он встречал нечто подобное.

Обитель Примана, куда пришел Солфил, оказалась самой большой и самой тесной, в каких он только бывал. Словно целый город мог здесь уместиться со всеми словами, какие только были известны, со всеми эпохами, какие могли пройти. Величественный храм с узорными капителями колоннад. Мощные столбы, подпирающие тяжелые крыши, которые венчают причудливые витки, вимперги, застывшие цветы и пальмовые листья. Стрельчатые арки и высокие башни, стремящиеся ввысь. Огромные окна соседствуют с контрастными пышно украшенными стенами и глухими крепостными строениями с узкими прорезями. Массивные многоэтажные высотки и терема, ледяные дворцы и каменные руины, легкие беседки и судна, замершие на облачной волне, колесницы и запустелые фонтаны, витые окаменевшие тропинки, теряющиеся в высоте.

Среди строений возвышались горы из самых разных предметов крупных и мелких – от огромного накрённого ко-

рабля с облачными застывшими парусами до маленьких стеклышек самой причудливой формы. Чашки, фонарики, цепочки, карандаши, коробочки, маятники соседствовали с мощными кусками крепостной стены, башнями и винтовыми лестницами.

И в этом многообразии существовал лишь один Приман, что говорило о величайшем богатстве знаний его души кому-либо здесь известному. Весь этот мир громадой высился над головой, почти закрывая облака, и грозился упасть, но держался вечным желанием хозяина обители. Солфил же, напротив, был склонен к частым перестановкам – его обитель менялась с каждым посетителем. Но то, что он создавал у себя, походило на комнатный садик, в то время как обитель Примана казалась целым миром – безразмерным и непознанным.

– Солфил, – обратился Приман, – ты хочешь какое-нибудь слово?

– А можно мне вот это... это... – указал Солфил на первый попавшийся предмет, заморожено разглядывая всё и уже забыв, зачем пришёл.

– Статуя. Эта похожа на форму души, – пояснил основатель.

– Статуя, – Солфил старался тщательно запомнить форму, чтобы воспроизвести её у себя в обители.

Это было несложно, так как она и впрямь похожа на душу: та же форма тела, кистей рук, головы, глаз. Словно ты

разделишь свою обитель с безмолвным другом.

– Или ты хотел что-то спросить? – вновь заговорил Приман.

– Да! – всполошился Солфил и принялся объяснять всё, что он смог понять в слове «воодушевление».

Ответ на все объяснения оказался коротким и неожиданным:

– Забудь это слово.

– Но почему?

– Это бесполезное слово, – бесстрастно ответил Приман.

– Бывают и такие?

– Бывают.

– Точно, ты, кажется, говорил про бесполезные слова.

А как их различить?

– Они не имеют формы, подобно одиночеству и его ключам. Их нельзя сделать частью города, потому что нельзя увидеть. И они не являются его ключами. Для нас они бесполезны.

– Для нас? А есть ещё кто-то, кроме нас?

– Не думай об этом.

– Почему?

– Здесь есть только мы. Другого места для нас нет. Бесполезные слова только бремя.

– Откуда ты это знаешь? Есть другие места, которые не для нас?

Приман на мгновение умолк, будто припомнил что-то,

унёсся в путешествие по воспоминаниям вечности, что он провел здесь. Он видел много душ и слов, но до этого он увидел то, чего не пожелал видеть никто из ныне пребывающих в Кэлестис португе. Он заговорил снова:

– Это было моё желание, Солфил.

– Желание?

– Что ты пожелал, прежде чем оказаться здесь? – вдруг спросил Приман.

– Перестать быть одному, – признался Солфил. – Я это хорошо помню.

– А я пожелал, – глухо отозвался Приман, – узнать, кто обрёк нас на одиночество. Пожелал узнать за что? И я увидел...

Воспоминание настолько сильное и чёткое, что не поблекнет, даже если вечность кончится. Приманимус не скрывал его, но и не торопился рассказывать о нём юным душам. Только он начинал намекать на то, что увидел, как многие просили прекратить и впоследствии старались забыть, что речь об этом вообще шла. Ведь это знание отличалось от тех, что они привыкли получать. Обычно весь поток информации можно было подхватить прямо на улице. Информация призвана лишь затем, чтобы скрасить существование душам, чтобы избавить их от одиночества. Но это знание, которым в полной мере владел лишь основатель, не приносило ничего. Лишь...

– Что? – замер Солфил. – Что ты увидел? Я тоже хочу это

узнать.

Приман сомневался. Сомнения редко были присущи душам и касались лишь обустройства обители новопривыкших. Иного никто не допускал, ибо сомнения могли разрушить то, что построено. Но Приман сомневался, потому что не хотел, чтобы столь юная душа как Солфил сломалась от знания, которого пожелала. Но, понимая, что душа вправе желать знаний, он решился.

– Я увидел другой мир, – наконец, произнёс Приман. – Там были живые. Мы тоже могли бы там жить, но нам не позволили этого. Нас... прогнали, не захотели, – основатель старался говорить такими словами, которые бы юная душа могла принять и не произнёс того самого рокового слова. – Поэтому нам ничего не осталось, кроме как существовать в ином мире.

– Что означает «прогнали»? – не понял Солфил, он никогда не слышал такого слова.

– Это значит... что нас обрекли на пустоту, – вдруг сказал Приман.

– «Прогнать» значит «обречь на пустоту»..., – повторил Солфил, с трудом веря в услышанное.

В обители Примана стало холодно и зловеще до дрожи. На деле её ощутил лишь Солфил, Приман же вечность существует с этим знанием. Солфил ясно это почувствовал, будто ощутил раннее одиночество его души. И стало вдруг так тоскливо. Словно в замочную скважину двери одиночества

и пустоты вставили ключ.

– Приман, пожалуйста, не говори это! – вскричал Солфил, содрогнувшись.

Его душа оказалась не готова к этому знанию. Её насквозь пробрал острый лёд, и заполнило воспоминание о пустоте внутри. Душа ясно как в первый раз ощутила всё отчаяние и боль одиночества, того самого одиночества, которое чувствует каждый, кого прогоняют из мира живых, не дают ощутить то самое живое тепло. Солфил почувствовал одиночество души, стоящей перед ним со спокойными глазами, борющейся с этим целую вечность. Душа же Солфила оказалась не готова.

– Прости, я не хотел тебя пугать, – мягко извинилась первая душа. – Обычно я не рассказываю этого. Теперь ты понимаешь, почему. Но запомни: слова «воодушевление», «радость», «наслаждение», «надежда», «любовь» – чувства и эмоции живых. То, что нас не коснулось.

– Любовь? Чувства? – переспросил Солфил, ощутив на душе что-то непонятное при этих словах.

– Забудь эти слова, – сказал Приман твёрдо. – Даже если они кажутся тебе приятными, ты не сможешь ничего с ними сделать. Понимание их нам недоступно.

– Даже тебе? Ты ведь знаешь эти слова, – не унимался Солфил.

– Даже мне. Их смысл утерян для нас навсегда, – произнес основатель.

– То есть на вечность?

– Да. На вечность.

– Откуда ты знаешь? – упорствовал Солфил, который просто не мог поверить в невозможное, но воспоминание о двери пустоты, которую он едва не открыл...

– Солфил, – Приманимус пристально посмотрел на него. – Ты сомневаешься?

– Нет! – выпалил Солфил и повторил чуть тише. – Со всем нет.

– Если увлечешься бесполезными словами, то потеряешься в них и не сможешь найти дорогу в Кэлестис портум.

Приман говорил о последствиях для тех, кто излечился от одиночества и стремился снова окунуться, познать, что это слово за собой таит.

– Я понял, – Солфил опустил голову.

– Молодец. Но если тебя что-то тревожит, ты можешь говорить со мной, – смягчился Приман. – Что бы это ни было, мне оно не причинит вреда. Я слишком привязан к городу, чтобы его потерять.

– Я тоже так хочу.

– Тебе до этого так далеко, но, я уверен, ты сможешь.

Я хочу постичь все слова, которые только найду. Те слова, что ведут к одиночеству, я познал. Теперь я хочу узнать как можно больше, чтобы вечность его не ощущать. Но Приман... кажется, он как никто другой постиг все слова, что обитали в пустоте, но сумел создать островок, где бы они его

не коснулись. Ему можно верить. Ведь когда я содрогнулся от холода, ни он, ни один предмет в его обители не шевельнулся сомнением.

Именно Приман был самой высокой душой в городе. Считалось, что рост души зависит от количества знаний, которыми она владеет. Солфил ясно видел, как велика между ними разница. Даже Инвентор был выше Солфила, хотя давно не искал новых слов.

Вернувшись в свою обитель, Солфил поставил в ней новое принесённое слово «статуя», но её образ никак не мог принять той формы, что он запомнил. Душе его мешало смятение. В конце концов, он смог создать нечто похожее. И душа его, наконец, снова успокоилась. Это оказалась женская статуя. Солфил видел в городе и женские души. С одной из них был хорошо знаком.

– Новое слово? – спросила Индиция Нубея, заглядывая в обитель Солфила.

– Да. Мне подарил его Приман.

Солфилу было приятно, когда кто-то приходил, потому что именно в эти моменты его обитель наполняло еле заметное тепло. Индиция Нубея существовала в Кэлестисе почти так же давно, как Приманимус, но и она не могла сравнить свой запас знаний с его. Она часто приходила в обители и созерцала творения других душ. Нубея не отличалась такой тягой к новому, как Солфил, и привыкла познавать, просто плывя по течению с потоками информации, не пыта-

ьясь их разворошить, как юные души. Поэтому её существование и обитель творились мягко, неспешно и изящно. Она могла воспроизвести с невероятной легкостью любую ранее увиденную форму слова и доверила свое существование безмятежному течению вечности, избрав путь не столько творчества, сколько созерцания. Поэтому после многочисленных экспериментов и перестроений её обитель представляла собой лишь башню, построенную из множества ступенек, которые вели к самым облакам.

– Приманимус не жалеет слов ни для кого, – заметила Нубея – Он успел познать всё, из чего состоит сейчас Кэлестис, все улицы и кварталы до последнего слова.

– И даже больше, – произнес Солфил, вспоминая недавний разговор.

– Раньше мне хотелось узнать что-нибудь, чего он не знает, чтобы рассказать ему. Но потом я поняла, что это невозможно ни для кого из нас, поэтому я с безмятежным покоем наблюдаю существование нашего города. Этому моя душа благоволит. А твоя, стало быть, находит утешение в погоне за новыми знаниями? Многие юные души действуют на основе этого порыва, пока не закончат творение обители и не обретут там покой и своё место здесь. Если хочешь, я могу рассказать о новом слове.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.